

20

№ 131
(1769)22
июля
2005

«Отец во сне меня»

Окончание. Начало на стр. 1

– Да вы вдбавок и не тусуетесь, в отличие от множества сыновей знаменитых отцов, которые по таланту с отцами не сопоставимы, зато по активности появления на тусовках...

– Есть люди, которые это и умеют, и любят. Есть люди, которые и на тусовках остаются собой. Я и когда был артистом, тусоваться не умел и не любил... Нет, надо все-таки честно сказать: девять лет назад я из профессии ушел. Другое дело – может, я до конца ее не потерял, и будет еще в моей жизни что-то более веселое. Но...

– А что приобрели?

– Не знаю... (Задумывается.) Когдато здесь, в доме в Таганском тупике, где мы с вами беседуем, была разруха, а теперь стало прилично. Мои покойные уже дед и бабушка были довольны тем, что мне удалось сделать. Приобрел я много хороших людей, с которыми никогда бы не встретился, если бы не провел здесь все эти годы.

– А вы за это время что-то важное поняли про Высоцкого?

– Что-то понял. Но проблема не столько в информации, сколько в том, что через год мне будет столько же, сколько было отцу... То есть проблема, повторю, не в информации, хотя голова от нее пухнет, от самой разной – приятной, неприятной, лживой, правдивой. Девять лет я живу с ним рядом, и у меня сложился образ уж точно совсем не такой, каковой был в шестнадцать лет, когда я его лишь изредка видел... Описать этот образ мне сложно. Умел бы – сел бы и написал книгу. Но я не умею. И не испытываю желания. Делаю, что могу.

– Но случалось у вас за эти годы, исходя из того, что в шестнадцать лет вы знали о нем, какое-то решительное неприятие того, что вы теперь вдруг услышали или прочитали?

– Да сколько угодно. Тема болезненная, и я редко отвечаю на этот вопрос. У меня всегда был дежурный ответ – мол, мемуары больше характеризуют самого мемуариста, нежели предмет его рассказа... Представьте: вы пришли на развал и видите книгу какого-нибудь Ивана Сосискина «Моя жизнь». Да пошел ты, думаете вы, Сосискин, со своей жизнью. Совсем другое дело – когда написано: «Иван Сосискин. Моя жизнь рядом с Высоцким»...

– А если еще на обложке снимок Сосискина действительно рядом с Высоцким – успех гарантирован...

– Гарантирован. И я такие откровения в принципе не люблю. Но, с другой стороны, к очень многим Сосискиным отношусь хорошо. Я ведь их действительно помню рядом с отцом, кто-то из них мне потом помогал. Один отцовский товарищ, например, когда я завис в Новороссийске и ни до кого, кроме него, не мог дозвониться, мне сразу выслал денег. Понятно, что я с такими людьми стараюсь не полемизировать... (Эвонит мобильный телефон. Следует разговор довольно долгий, корректный, но жесткий.) Ну, вот, пожалуйста.

– Сосискин легок на помине?

– Потом расскажу... Хотя могу и сейчас. Потому что ситуация развивается, назревает скандал, а он в эти дни, как вы понимаете, совсем не своевремен.

Есть в жизни любого человека такие зоны, которые не для публичности. Тем более после его смерти. Даже когда говорят: «Но это же правда!» – все равно эта правда не предназначена для чужих ушей. Глупо прозвучит, но я одно время интересовался биографией Пушкина Александра Сергеевича. И при том, что о нем осталось очень много воспоминаний, видим огромные белые пятна в том, что касается его частной жизни.

– То есть Александр Сергеевич об этом позаботился?

– Не он. А люди, которые его пережили и продолжали его любить. И мы теперь, как бы ни копали, той

«правды», которая предоставит нам возможность злословить, не узнаем. И можем только гадать. А сплетни уж точно запретить никто не может.

Возвращаясь к телефонному разговору, которому вы стали свидетелем, – есть такой телевизионный режиссер Манский. Предыдущая работа его была о «Тату»...

– А до этого он снял фильмы о Горбачеве, Ельцине и Путине, показав их в домашней обстановке...

– В общем, человек чувствует конъюнктуру. Теперь он сделал фильм о том, что, с его точки зрения,

му фигу. С маслом. Он, кричащий о «семейной цензуре», стал мне предлагать: «Никита, давай я перемонтирую, кое-что скрошу, только чтобы песни остались». То есть человек понимает, что делает успех на костях. Сейчас мне звонили из Союза кинематографистов: Манский объявил на каком-то сайте, что покажет «бесцензурную версию». Что же, пусть показывает. Я заранее предупредил его, что обращусь в суд. И не потому, что они сделали гадость – их право. Потому, что включили произведения Высоцкого, за судьбу которых

– Никита, а у вас не возникает иногда ощущения, что люди, ставящие вашему отцу памятники и открывшие музеи, тоже на самом деле, грубо говоря, Иваны Сосискины? Ведь они, пусть и из благородных побуждений, Высоцкого используют – как многие злоупотребляли знакомством с ним при жизни?

– Непростой вопрос. Вот в эту субботу открывается музей Высоцкого в Краснодаре. Второй после нашего. Причем не государственный, как наш, а частный. Человек все два-

ко заплатил бы доброе дело – нет, в Новосибирске энтузиаст в чистом виде Анатолий Олейников два с лишним года назад начал идею двигать, я в успех не верил, но подписал какие-то бумаги... и он это сделал. На свои деньги и на те, которые дали такие же энтузиасты. Власть разрешила – и в этом было все ее участие. Как было с памятником в Барнауле, как будет в Екатеринбурге и Волгограде.

– А как Олейников, который для власти все равно, что Сосискин, смог ее одолеть? Где Высоцкий – и где Новосибирск, пусть Высоцкий там и выступил?

– А потому что по любви. И никем не инициировано, кроме самого Олейникова. Вы меня вначале спросили, что я приобрел за последние девять лет, так вот я приобрел веру в то, что по любви получается все, что нельзя сделать во всех остальных случаях. Эти люди занимаются, грубо говоря, самодеятельностью, а не то чтобы их собрали на берегу озера и сказали: «Пацаны, вот вам деньги, вот майки – вперед»...

– Это вы про летний лагерь «Наши» на Селигер?

– Это я про нас... Памятники, которые ставятся из любви, не вызывают ни у кого вопроса: «Почему?» Вот я упомянул Набережные Челны – там ведь в 70-х были гастроли Театра на Таганке, фантастические по тому успеху, который имели у рабочих. Любимов рассказывал, что Высоцкий шел после спектакля в гостиницу по центральной улице, а из всех окон звуки его песни. Теперь в конце его маршрута – памятник. А вы говорите, Сосискин...

– А как вы отноитесь к попальному копированию манеры пения Высоцкого – первой ласточкой был, по-моему, ваш тезка Джикурда?

– Вы знаете, осторожно. Что касается Джикурды – я знаю, что он очень искренне относится к Высоцкому. Несколько раз я с ним пересекался, и его можно много в чем упрекать, но только не в неискренности. Не поворачивается у меня язык ему сказать: «Слушай, да пой ты своим голосом».

– Маяковскому приписывают эпиграмму на одного из его эпигонов: «Не ходи под Маяковского, ходи лучше под себя».

– Ну да. Вот и отец был против его копирования, еще и потому, что были проходмы, выдававшие себя за него. Но сегодня, когда люди это делают, сообразуясь с чувством вкуса, просто потому, что это в данном случае нужно, как я могу возражать? Мне нравится, как поют отцовские песни Гарик Сукачев и Саша Скляр. Или Гоша Куценко. Или, допустим, Дима Певцов – ну, зачем ему Высоцкий, у него у самого популярность выше крыши, с ним нельзя рядом находиться на улице, сразу хочется спрятаться. Но у него родилась идея записать диск с песнями Высоцкого, он со мной об этом разговаривал, я сказал: «Имеешь право». Я не считаю, что это плохо или хорошо. Это есть. Вот сейчас будет фестиваль в Красноярске «За меня другие отдают все песни» – они этого хотят, и слава богу.

– А почему Высоцкого до сих пор поют? Он рассказывал, как его песни начинались – в узком кругу, в который входили Шукшин и Тарковский. Но вот какая штука: они стали классикой, ушли в историю, чего не скажешь о Высоцком. Кто такие Шукшин и Тарковский, сегодня имеют понятие лишь самые продвинутые молодые, а Высоцкого любят все.

– Это – ваше утверждение, к которому я отношусь с уважением, хотя ничего лучше в нашем кино, чем фильмы Тарковского, я не видел. И «Калина красная» Шукшина – какая-то очень важная часть моей жизни. Я себя на этой мысли поймал, кстати, в музее на его родине, в селе Сростки на Алтае... Другое дело – действительно до конца историческим персонажем, красивым мифом из эпохи застоя Высоцкий не стал. И фильмы с высокими рейтингами

творилось с моим отцом в конце жизни. Близкие люди, очень именитые, снялись в этом фильме, который будет показан в «прайм-тайм» поциальному каналу. Наследники – мы с моим старшим братом Аркадием – и Юля Абдулова, дочь ближайшего отцовского друга, тоже покойного, и доверенное лицо Маринны Влади – не дали Манску разрешения на использование в его фильме стихов и песен Высоцкого. Понятно, что я с такими людьми стараюсь не полемизировать... (Эвонит мобильный телефон. Следует разговор довольно долгий, корректный, но жесткий.) Ну, вот, пожалуйста.

– Сосискин легок на помине?

– Потом расскажу... Хотя могу и сейчас. Потому что ситуация развивается, назревает скандал, а он в эти дни, как вы понимаете, совсем не своевремен.

Есть в жизни любого человека такие зоны, которые не для публичности. Тем более после его смерти. Даже когда говорят: «Но это же правда!» – все равно эта правда не предназначена для чужих ушей. Глупо прозвучит, но я одно время интересовался биографией Пушкина Александра Сергеевича. И при том, что о нем осталось очень много воспоминаний, видим огромные белые пятна в том, что касается его частной жизни.

– Сосискин легок на помине?

– Противно. А куда денешься? В данном случае у меня вопросы даже не к Манску, а к тем, у кого зачесались почуваивать.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Судиться за отца часто приходится?

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и права Высоцкого хотя бы 25 лет спустя кто-то может постоять.

– Бывает. Но уже не часто – все-таки нам удалось внушить мародерам, что за честь и